

Проектор в Зале Цинъян вывел на экран ослепительно красные буквы: прогресс проекта Интеллектуального парка отстает на 15 процентов. Ван Сюаньдао потерял виски. Новый жасминовый ароматизатор, установленный административным отделом, смешался с запахом ментолового карандаша с соседнего рабочего места, создавая в герметичном зале совещаний головокружительный коктейль.

— Брат Дао, выставочный зал метавселенной, который требует Управление культуры и туризма... — Линь Сусинь протянула планшет, на кончиках ее пальцев еще виднелись следы от чая с женьшенем и ягодами годжи. Концепт-арт на экране поражал своей вычурностью: VR-очки холодно поблескивали под деревом гинкго, а голографический даос в виртуальной чайной демонстрировал мастерство разливания чая.

Ван Сюаньдао коснулся браслета из туи на левом запястье, в бороздках древесины которого застрял вчерашний пепел сандаловых палочек.

— Скажи им, что для сбора реальных сцен нам нужна натурная съемка осенних пейзажей парка культурно-творческих индустрий Уюэ.

Произнеся это, он сам опешил. Тот самый проект натуральных съемок, который менеджер проекта вечно высмеивал за отсутствие технологичности, внезапно сорвался с языка.

Кофемашина в комнате отдыха издала пустой свистящий звук. Ван Сюаньдао стоял в очереди с кружкой, его взгляд скользнул по ряду суккулентов на подоконнике: на увядших желтых листьях очитка осел пепел, а табличку с инструкцией по уходу администрация убрала еще на прошлой неделе. На нижней полке стеллажа вдруг мелькнула знакомая обложка цвета индиго. Дао Дэ Цзин, пропавший полмесяца назад, лежал, воткнутый наискосок в стопку просроченных журналов.

— Инженер Ван тоже это читает? — к нему подсел Сяо Чжао из отдела фронтенд-разработки, его фитнес-браслет мигал красным при каждом движении за кофе. — В администрации сказали, что это остатки после месяца культурного просвещения позапрошлого года.

Молодой человек со смехом пролистал страницы, и в третьей главе, под заголовком о почитании мудрецов, обнаружился нелепый нарисованный мем.

Когда Ван Сюаньдао взял в руки потрепанный том, кофейное пятно на форзаце расплылось в коричневое кляксу. Страница с копирайтом была вырвана, зато на полях виднелись аккуратные карандашные пометки: Тот, кто встает на цыпочки, не стоит твердо; тот, кто делает широкие шаги, не может идти — посвящается слепому расширению проекта Интеллектуального парка. Он внезапно вспомнил совещание трехмесячной давности, когда сам указывал на концепт-арт и с сомнением говорил: Культурная глубина парка не копируется с помощью VR-моделирования...

Микроволновка издала резкий писк, прервав его мысли. Линь Сусинь разогревала пакетик с отваром лекарственных трав, и по комнате разлился запах астрагала и пории.

— Брат Дао, хочешь попробовать? — она пододвинула ему термокружку, в которой плавали ягоды черной годжи. — Заварила по рецепту доктора Чэня из Зала Цинъян, это полезно для печени и зрения.

Матовое стекло перегородки в комнате отдыха вдруг отразило чье-то движение. Менеджер проекта во весь голос разговаривал по телефону в коридоре:

— Управлению культуры нужно добавить ночное световое шоу, бюджет на AR-эффекты увеличиваем еще на двести тысяч...

Ван Сюаньдао машинально сунул Дао Дэ Цзин во внутренний карман пиджака, сердце под тканью забилося так сильно, что отозвалось болью в ребрах.

Во время обеденного перерыва пожарная лестница превратилась в зону для курения. Ван Сюаньдао достал потрепанную книгу и обнаружил, что в тридцать седьмой главе зажат обрывок протокола совещания — именно того, где он выступал против виртуального выставочного зала. Рядом с фразой Дао вечно недеятельно, но нет ничего, чего бы оно не делало, карандашом было начертано: Культура парка должна быть как суп на медленном огне, стоит избегать разработки в стиле фаст-фуда.

Телефон внезапно завибрировал, Су Цзинхао прислала фото: банка с кофейными зернами в шкафу покрылась тонким слоем пыли, а рядом стоял новый флакон меда с лимонником.

— Доктор Чэнь сказал, что чай с семенами кислых фиников успокаивает, — добавила она голосовым сообщением, на фоне которого слышалось позвякивание крышки глиняного горшка. — Я положила расфасованные травы во второй ящик твоего стола.

Послеобеденное совещание по проверке кода стало настоящим мучением. Ван Сюаньдао смотрел на прыгающие по экрану символы, а Дао Дэ Цзин во внутреннем кармане жег грудь, словно раскаленный уголь. Новый стажер из отдела маркетинга увлеченно вещал: Мы можем использовать технологию блокчейн, чтобы выпустить NFT для каждого дерева гинкго...

— А можно ли занести в блокчейн звук падающих листьев столетнего гинкго? — его собственный вопрос, вырвавшийся непроизвольно, погрузил зал в гробовую тишину.

Авторучка менеджера проекта оставила глубокий след на графике прогресса:

— Инженер Ван, нам нужны технические решения, а не философские дискуссии.

Струя воздуха из кондиционера шевелила страницы Дао Дэ Цзин, и Ван Сюаньдао внезапно отчетливо увидел карандашную пометку к двадцать третьей главе: Вихрь не длится до утра, ливень не длится до конца дня — посвящается отделу программирования, работающему третью неделю сверхурочно.

Лифт в конце рабочего дня был набит уставшими людьми. Ван Сюаньдао видел в зеркальных стенках кабины множество своих отражений: перекошенный воротник, лоснящийся лоб и прямоугольный выступ под полкой пиджака, создаваемый Дао Дэ Цзин. Когда в подземном гараже один за другим зажглись датчики движения, он, словно в забытьи, направил машину в противоположную сторону — к парку Уюэ, где в сумерках качались деревья гинкго.

У деревянной арки чайной зажглись теплые желтые фонари, старик в льняной одежде протирал чайник из исинской глины. Когда Ван Сюаньдао остановился, золотой лист упал ему прямо в карман пиджака.

— Заходи почаще, парень, — улыбнулся старик, приподнимая бамбуковую штору. — Чай Байлу после осеннего равноденствия лучше всего очищает печень и увлажняет легкие.

Телефон в кармане бешено завибрировал. Голосовое сообщение от менеджера прозвучало на фоне ветра:

— Прототип выставочного зала метавселенной, который требует Управление культуры, должен быть готов сегодня вечером!

Ван Сюаньдао коснулся листа гинкго в кармане и внезапно прочитал чернильные строки на парных надписях чайной: Семь чаш не выпить, лишь чувствуешь, как из-под мышек рождается легкий ветерок — Лу Тун, Стихи в благодарность господину Мэн Цзянь за присланный свежий чай.

Когда зазвонил телефон, он как раз смотрел на объявление об аренде на доске в парке.

— Я оставила для тебя кашу из лилий и лотоса, — голос жены был окутан паром от кипящего горшка. — Доктор Чэнь сказал, что до полуночи нужно выспаться, чтобы восстановить меридиан желчного пузыря.

На рабочем столе под лампой Дао Дэ Цзин был раскрыт рядом с клавиатурой. Ван Сюаньдао вложил лист гинкго в сорок восьмую главу, и рядом с карандашной пометкой о том, что в учении день ото дня прибавляется, а в пути — убавляется, приписал ручкой: Три месяца труда по упрощению сложного не стоят и одного порыва ветра в чайной.

Ночной ветер колыхал занавески, а вдалеке неоновая вывеска офисного здания мигала под надписью Индустриальный парк метавселенной.

Сдавая прототип глубокой ночью, он намеренно ввел в поле названия файла: Натурная съемка Уюэ 1.0. Перед тем как выключить компьютер, он мельком взглянул на монитор наблюдения в комнате отдыха: тот самый увядший очиток в лунном свете пустил новый росток.